

ВЕРА КРЫЖАНОВСКАЯ

Нахэма

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К85

Крыжановская В.

К85 Нахэма / В. Крыжановская. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 194 с. — (Жизни и судьбы).

Вера Ивановна Крыжановская (1857–1924) — русская романистка, известная женскими, историческими и оккультными произведениями.

«Нахэма» — мистический роман о непрекращающейся борьбе Света и Тьмы за души людей. Дочь скромного старика-писателя находит своё счастье в любви к благородному рыцарю, однако ложное обвинение в колдовстве нарушает сладкое спокойствие влюблённых. Накануне казни на костре инквизиции главной героине является таинственный незнакомец и предлагает спасти ей жизнь. Но какова на самом деле цена расплаты за спасение?..

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77661-0

© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ГЛАВА I

Чудный июльский день 1485 года склонялся к вечеру. Последние лучи заходящего солнца освещали башни и стены небольшого городка Фрейнбурга. Удушливый дневной жар сменился приятной прохладой, а с окрестных высот веял ароматный и живительный ветерок.

Внутренность большой, мрачной и сводчатой залы, каменные стены которой были пропитаны сыростью, представляла зловещий контраст со спокойной и юной красотой природы. Это была городская темница. Через узкие бойницы, служившие ей окнами, не проникал ни один луч солнца. Несчастных заключенных, томившихся в этой тюрьме, освещал бледный полусвет. На одной из кучек соломы, разбросанных там и сям на каменных плитах, лежала пожилая женщина. Она, видимо, умирала. Пряди седых волос обрамляли лицо, искаженное страданием. Окровавленное белье окутывало ее ноги, очевидно раздробленные пыткой. Около нее на коленях стояла молодая девушка чудной красоты. Выражение невыносимого страдания и страшного

отчаяния отпечаталось на ее лице. Она читала отходную. Девушке этой было лет семнадцать или восемнадцать. Полотняная рубашка и короткая серая юбка позволяли видеть чудные формы ее высокой и стройной фигуры. Черты лица ее отличались тонкостью и классической правильностью. Белокурые, золотистые волосы растрепались и прикрывали ее плащом, а густые, шелковистые пряди их спускались до самых плит. Она тоже, видимо, вынесла пытку, так как обнаженные руки и ноги ее были покрыты ранами и ожогами. Прижав к груди сложенные руки, девушка молилась вполголоса, боязливо наклоняясь к умирающей всякий раз, как та делала какое-то движение.

Вдруг старуха открыла глаза. Угасающий взгляд ее, полный любви и горя, устремился на девушку.

— О, Лори, Лори! Если бы ты могла, как и я, не дожить до завтрашнего дня! — пробормотала она.

При этих словах девушка вздрогнула и с глухим стоном обняла несчастную женщину. Это неосторожное прикосновение, причинившее сильную боль, вырвало у умирающей страшный крик. Конвульсивная дрожь пробежала по ее телу. Затем голова ее бессильно откинулась назад, широко открытые глаза приняли стеклянный вид, а конечности вытянулись. Смерть, более милосердная, чем люди, прекратила страдания несчастной. При крике несчастной женщины, Лори быстро откинулась назад. Когда же она убедилась, что перед ней лежит труп, ею овладело безумное отчаяние. С громкими криками, заливаясь слезами, молодая девушка рвала на себе волосы, ударяла себя в грудь, обнимала умершую и осыпала ее поцелуями, называя самыми нежными именами. Но это возбуждение быстро прошло. Разбитая

нравственным горем и физическими страданиями, какие причиняли ее израненному телу резкие движения, она опустилась на солому и прислонилась к сырой стене, застыв в какой-то мрачной апатии. Видя эту неподвижную фигуру, ее бледное, искаженное лицо и закрытые глаза, можно было подумать, что молодая девушка умерла или, по крайней мере, лишилась чувств. Но ничего подобного не было. Немое оцепенение сковывало лишь ее тело; мысль же продолжала работать. Перед бедной Леонорой пронеслась вся ее жизнь. Она видела себя счастливым и беззаботным ребенком, в чистеньком и уютном домике своего отца, старого Клауса Лебелинга, занимавшего скромную должность писаря. Матери она не знала. Сестра ее отца тетя Бригита, воспитала девочку с нежностью матери, всячески портя и балуя ее. В обществе этой нежной и благочестивой женщины и обожавшего ее отца Лори выросла, прекрасная и невинная, как цветок, распустившийся на солнце. Тетя научила ее вышивать, но ученица скоро превзошла в этом искусстве свою учительницу. С вдохновением, присущим великому таланту, под волшебными пальцами Лори создавались настоящие картины. На знаменах, шарфах или церковных украшениях золотые и шелковые нити, казалось, оживали и превращались в живые цветы или настоящие головы херувимов.

Поэтому репутация молодой вышивальщицы быстро установилась. Явились многочисленные заказы, как из города, так и из окрестностей. Клаус Лебелинг гордился своей дочерью. Он гордился восхищенными взглядами, устремляемыми на нее, и многочисленными претендентами, искавшими ее руки, среди которых был даже сын богатого негоцианта, что представляло блестящую партию для доче-

ри бедного и незначительного писаря. Но сердце Леоноры оставалось покойным, и она категорически отказала богатому претенденту. Тот оскорбился отказом и удалился, полный гнева и злобы. Затем в воображении молодой девушки, с болезненной ясностью, восстал счастливый и, в то же время, роковой день, решивший ее судьбу. Это было на Рождество. Она с Бригиттой была на обеде. Они собирались уже уходить из древнего собора, когда у сосуда со святой водой она увидела богато одетого мужчину, устремившего на нее взгляд, полный страстного восхищения. Это был высокий и стройный молодой человек. Современный костюм, очень шедший к нему, чудно вырисовывал его изящные формы. Из-под бархатного тока, украшенного белым пером, выбивались густые, темные кудри. Небольшая слегка вьющаяся борода обрамляла его правильное лицо. Золотая цепь на шее и шпага указывали, что этот молодой человек был какой-нибудь богатый патриций или синьор из окрестностей.

Молодой человек с легким наклоном подал девушке святую воду. Та покраснела и опустила глаза, когда руки их встретились. Тем не менее, она хорошо разглядела красивого кавалера и унесла с собой воспоминание о нем.

Можно представить себе как сильно билось сердце молодой девушки, когда несколько дней спустя, тот же изящный синьор явился в скромный домик Клауса Лебелинга и заказал покров для алтаря, отличавшийся необыкновенным богатством и очень сложным рисунком. Тогда же Леонора узнала, что этот посетитель был благородный рыцарь Вальтер де Кюссенберг, мать которого жила во Фрейбурге, и которую она знала в лицо.

Госпожа де Кюссенберг, чувствуя себя после смерти мужа одинокой в замке, так как единственный сын ее находился при дворе императора, переселилась в свой прекрасный дом во Фрейбурге. Со времени первого посещения дома Клауса Лебелинга. Вальтер часто стал приходить туда, чтобы убедиться, как продвигается его заказ. Всякий раз он все дольше и дольше оставался там, а Леонора с каждым днем все с большим нетерпением ждала его прихода.

Добрая Бригитта со смешанным чувством радости и страха следила за развитием любви между молодыми людьми. Она знала суровую и неприступную гордость госпожи де Кюссенберг, и ее намерение женить сына на богатой Филиппине, дочери Конрада Шрамменштедта — будущего бургомистра города. Тем не менее, когда Вальтер честно попросил у отца руки Леоноры и высказал непоколебимое решение жениться на ней, несмотря на все препятствия и на оппозицию матери, добрая женщина успокоилась и возблагодарила Бога за великую милость, которую Он посылал ее дорогой племяннице. Нельзя было описать счастье Леоноры, как вдруг на нее, подобно удару грома, обрушилось ужасное обвинение в колдовстве и навсегда разбило ее мечты о любви.

Это ужасное обвинение в ту эпоху было равносильно смертному приговору, так как Германией овладело настоящее безумие разрушения. Страх перед магией и колдовством, подобно черной тучи, носился в воздухе. Обезумевшая толпа всюду чуяла колдунов, колдуний и чары. Повсюду пылали костры, пожирая сотни невинных и виновных, давая широкое поле злобе и личной мести. Прежде всего, явился какой-то пастух и обвинил Бригитту в том, что она околдо-

вала коров его стада, большая часть которых больны, тогда как три коровы Лебелингов совершенно здоровы. Однажды утром, в ту минуту, когда старый Лебелинг собирался идти на службу, все семейство было арестовано и отведено к судье. Второе обвинение еще сильнее ухудшило положение обвиненных. Служанка, которой было отказано за недостаток честности, донесла, что Бригитта и Леонора посещают шабаш. Она видела, как они варили мазь, издававшую странный и неприятный запах. Затем, она застала тетку, когда та натирала этим дьявольским зельем руки и живот, а потом улетела через окно. Что же касается молодой девушки, то ее видели собирающей разные растения и магические травы. По словам бывшей служанки, обе обвиненные женщины приготавливали любовные напитки, жертвами которых пали сначала Руперт Шварц, а потом рыцарь де Кюссенберг.

Опрошенный в качестве свидетеля Руперт Шварц подтвердил, что он действительно часто пил у Лебелингов молоко и какое-то питье из горьких трав и что его любовь к Леоноре прошла только после паломничества к Святой Одиле. Подобных показаний трех свидетелей было вполне достаточно, чтобы погубить несчастных Лебелингов. Медальон с волосами Вальтера, найденный на шее Леоноры, был сочтен подавляющим доказательством колдовства. Тщетно рыцарь мужественно объявил суду, что он сам подарил медальон молодой девушке и что ее красота и добродетель являются единственными чарами, покоровившими его сердце. Судья с улыбкой участия выслушал молодого человека. Очевидно, несчастный находился еще под влиянием чар. «Молот колдунов» — ужасная судебная летопись, опубликованная доминиканцем Ширенгером, рассказывает подобные

дела и разоблачает все козни демона. Леонора и Бригитта были подвергнуты пытке. Несмотря на такие неоспоримые доказательства, они осмеливаются отрицать свое преступление. Но, слава Богу, нет недостатка в средствах заставить говорить самых упорных.

Дрожь ужаса и отчаяния пробежала по телу молодой девушки, когда она вспомнила все муки какие, она испытала, когда ее били бичом и жгли раскаленным железом.

Когда, почти безумев от страданий, она вернулась в свою темницу, тюремщик грубо объявил ей, что ее негодяй-отец повесился ночью, желая избежать заслуженного наказания.

Занятая своими горькими думами, Леонора не обращала никакого внимания на то, что происходило вокруг нее. Весь ум ее был сосредоточен на одной ужасной мысли, от которой волосы поднимались дыбом. Она была приговорена к костру и на следующее утро приговор должен быть приведен в исполнение. Несчастная заранее чувствовала весь ужас этой казни, которая, по указанию Ширенгера, должна совершаться как можно медленней. Как мы уже сказали, Леонора даже и не заметила двух лиц, заключенных вместе с ней. Один из них — старый пастух, также обвиненный в колдовстве, был страшно изувечен пыткой и громко стонал на своем соломенном ложе. Вторая — старуха, до такой степени сухая, морщинистая и сторбленная, что положительно невозможно было определить сколько ей было лет: шестьдесят или сто. Тело ее подтверждало последнее предположение, а взгляд опровергал оба, так как ее маленькие, зеленоватые глаза, со зловещим и жестким выражением, горели огнем юности.

Она тоже была подвергнута пытке, но вынесла ее с поразительным, почти презрительным стоицизмом. Как судьи, так и палачи были убеждены, что она обладает особыми чарами, делающими тело ее нечувствительным к страданиям, но так как, несмотря на все усилия, никак не могли найти дьявольский талисман, то мегеру осудили на сожжение живой в обществе Леоноры, ее тетки и пастуха. Ожидание казни, казалось, мало беспокоило это странное и отвратительное создание. Спокойная и равнодушная, она прислонилась к стене, скрестив на коленях свои костлявые, морщинистые руки. Иногда только она поправляла на голове полосатый платок или кричала пастуху, которого, по-видимому, хорошо знала:

— Не реви, как бешеный, Себастьян! Раз уж ты позволил себя так глупо обезоружить, то жди терпеливо господина. Он спасет нас.

Иногда ее взгляд устремлялся на Леонору, неподвижно сидевшую в углу. Вдруг, как бы приняв какое-то неожиданное решение, она тихо подползла к молодой девушке и слегка дотронулась до ее руки. Та вздрогнула и выпрямилась.

— Слушай! Хочешь избавиться от костра, жить и отмстить? — тихо спросила старуха.

— Хочу ли я! — с горечью сказала Леонора, — Конечно, я хотела бы, если бы это было возможно! Но вы знаете, Гертруда, что я погибла. Господь покинул меня.

— Господь — да, но, может быть, другой сжалится над тобой и спасет тебя назло зверям, которые заперли нас здесь и считают бессильными. Хочешь ты, чтобы я вызвала его?

Леонора смущенно и недоверчиво посмотрела на старуху. Как ни было невероятно спасение, все-таки надежда, вызванная странными словами старухи, пробудила в омрачен-

